

ИСТОРИЯ ИЗ-ЗА г-жи СВЕЧИНОЙ¹

Никто более нас не радовался блестящему успеху «Русского вестника» и никто более нас не желает, чтобы успех этот продолжался и возрастал². Еще не так далеко время, когда подобных чувств не питал у нас один журнал к другому; замена прежней завистливости доброжелательством составляет в нашей литературе факт довольно новый, и, сколько мы помним, перед публикою еще не излагались причины, которым надобно его приписывать, — по крайней мере, не излагались во всей полноте. Дело произошло оттого, что расширился круг предметов литературного обсуждения. Журналам и писателям, занятым серьезными вопросами, не остается времени предаваться потехам самолюбия, которые почти одни оставались для них прежде. С расширением содержания журналов изменилось и их отношение к публике, даже с материальной стороны. Прежде, когда в нашей журналистике не было ровно ничего интересного для общества, круг читателей оставался один и тот же: литература была счастлива уже и тем, что сохраняли к ней внимание люди, привлеченные к чтению в предшествовавшее время, в эпоху Гоголя и Белинского; расширить круг интересующихся ею она не могла по ничтожности, какой подверглась в годы, следовавшие за кончиной Белинского. Говоря коммерческим языком, общий рынок не расширялся, и успех одного журнала мог увеличиваться только на счет другого. В последние годы стало не то: число людей, интересующихся журналами, постоянно возрастает, — конечно, не в такой быстрой пропорции, как, может быть, полагают панегиристы настоящего, но все-таки возрастает настолько, что круг читателей того или другого журнала увеличивается не на счет других журналов. Итак, у журналов теперь в материальных интересах нет причин к враждебности, — напротив, даже с коммерческой стороны каждый сколько-нибудь поддерживаемый публикою журнал имеет причину радоваться успехам другого журнала: успехи одного журнала расширяют общее число читателей, то есть готовят новых читателей и для других. Еще важнее другое обстоя-

тельство: главнейшие из затруднений, с которыми должна бороться наша литература, одинаковы для всех журналов: возрастают или уменьшаются для всех, возрастая или уменьшаясь для одного какого бы то ни было; так что каждый журнал, борясь против них, оказывает прямую услугу всем другим. Прежде этого не было. Не то, чтобы прежде не существовали затруднения, существующие теперь, — напротив, они были несравненно больше, чем теперь; но самая чрезмерность их изолировала журналы по отношению к ним. Препятствия простирались до того, что получали уже характер личных отношений, так что у каждого журнала были свои частные затруднения, еще чувствительнейшие препятствий, общих всей литературе; успехи или неудачи одного журнала в этих мелочных делах не имели никакого влияния на судьбу других журналов. Теперь и в этом отношении стало иначе. Мелкие затруднения потеряли свою силу, остались только трудности, одинаковые для всех; успех или неприятность каждого бывает следствием отношений, общих для всех, одинаково относится ко всем. Каждое увеличение силы «Русского вестника» увеличивает силу и «Отечественных записок», и «Библиотеки для чтения», и «Московских ведомостей», и всякой другой газеты, и всякого другого журнала³. Словом сказать, положение дел стало таково, что и материальные, и нравственные интересы всех литературных органов находятся в самой тесной связи.

При таких обстоятельствах потеряло всякий смысл прежнее мелочное соперничество, уничтожились причины прежней пошлой враждебности одного журнала к другому. Все органы литературы чувствуют себя помогающими один другому. Журнальные ссоры, какие бывали прежде, совершенно прекратились; теперь, если бывает полемика, она ведется уже из-за идей, а не из пошлых расчетов, и обыкновенно представляет даже для ведущих ее журналов и их читателей меньше интереса, чем продолжающееся вместе с нею дружное действие по вопросам, одинаково понимаемым всею публикою и всеми литературными органами; потому и самая полемика бывает кратковременна. Мало того, что она скоро прекращается, — даже в то время, как идет она, она не мешает двум полемизирующим журналам дружно трудиться для достижения результатов гораздо важнейших в их собственных глазах, чем полемический вопрос, о котором они заспорили между собой. Укажем в пример на полемику о происхождении русской сельской общины, занимавшую года три с половиною тому назад «Русский вестник» и «Русскую беседу»⁴. Ведя спор по этому вопросу, «Русский вестник» и «Русская беседа»⁵ одинаково стремились к разъяснению идеи самоуправления, к реформам судопроизводства, к уничтожению крепостного состояния, — к вещам, в миллион раз важнейшим для них самих, чем какой бы то ни было взгляд на происхождение русской общины. Позволим себе указать также на полемику об общине, только рассматриваемой в другом

отношении, происходившую между «Экономическим указателем» и нашим журналом. Мы защищали общинное землевладение. «Экономический указатель» находил пользу заменить его обращением общинных земель в частную собственность⁶. Мы считали очень полезным делом решение вопроса в нашем смысле, но еще несравненно больше дорожили тем, чтобы русский поселянин стал из человека, подлежащего обязательному труду, работником действительно свободным; наверное и «Экономический указатель» считал освобождение поселянина вещью во сто раз важнейшею той подробности освобождения, о которой спорил с нами. Не говорим уже о том, что помимо всего, имеющего какую-нибудь связь с предпочтением общинного землевладения частной поземельной собственности или наоборот, существуют десятки очень важных вопросов, в которых мы совершенно сочувствовали «Экономическому указателю» и о которых наш журнал постоянно говорил точно в таком же смысле, как и «Экономический указатель». Подобно ему мы говорили о вреде стеснений, о необходимости строгой экономии, о необходимости полнейшего обеспечения имущественных и личных прав, о необходимости гарантий хорошего судопроизводства, хорошей администрации для экономического развития и одинаково с ним понимали, в чем должны состоять эти гарантии.

Если же случайные споры по каким-нибудь двум или трем частным вопросам не имеют в глазах самих спорящих и тысячной доли того громадного значения, какое принадлежит бесчисленным вопросам, о которых все литературные органы говорят одно и то же; если все литературные органы соединены одинаковостью материальных и нравственных интересов, то естественно, что все мелочные несогласия между ними никак не могут нарушать коренного, сильнейшего отношения между ними, состоящего во взаимном доброжелательстве. Пусть не обманывается никто: русские писатели, русские журналы и газеты могут по временам спорить между собою, их мнения могут расходиться во многом, но все это не мешает им в сущности стремиться к одним и тем же важнейшим целям и каждому из них находить свою собственную выгоду в выгоде всех других.

Сделав эти общие замечания о господстве доброжелательных отношений между всеми литературными органами, мы должны прибавить: что касается, в частности, наших чувств к «Русскому вестнику», то есть у нас еще особенные причины желать ему всевозможного успеха. «Русский вестник» и наш журнал служат представителями двух различных принципов, и надобно сказать теперь, как мы сами понимаем отношение между ними. Мы думаем, что воззрения, излагаемые «Русским вестником», подготовляют людей к принятию воззрений, излагаемых нами. Ошибаемся или нет в этой мысли мы, дело иного рода, но имеем эту мысль, и нам кажется, что она подтверждается ходом общественного со-

знания во всех исторических эпохах, имевших сходство с той, какую переживает теперь русское общество; нам кажется, что справедливость этой мысли основывается и на логическом законе развития общественных стремлений. Когда человек должен идти от отсутствия всякой дельной мысли к ясному сознанию своих дел и средств для удовлетворения своим потребностям, он не может сразу сделать окончательного вывода: полная истина была бы слишком сурова для него, ее требования показались бы ему превышающими его силы. Он идет к ней постепенно, отдыхая на перепутье. Нам кажется, что таким перепутьем для мысли служат воззрения, которых держится «Русский вестник», что они хороши для пробуждения людей из совершенной летаргии, для вовлечения их в умственный процесс. Ступень сознания, на которую ведет «Русский вестник», не так высока над уровнем нашей рутины, чтобы очень трудно было восходить на нее. А когда человек взойдет на нее, ему уже не очень далеко остается подняться и на следующую ступень, на которую прямо стать было бы ему трудно. Пусть простит нас «Русский вестник», но мы считаем его очень полезным для нас подготовителем серьезных людей к принятию наших понятий: мы считаем его педагогическим учреждением, в котором читается подготовительный курс.

При таком понятии об отношении воззрений «Русского вестника» к нашим мы, естественно, должны дорожить его успехом в публике. Пусть подготовительный курс читается как можно лучше, пусть он привлекает к себе как можно больше слушателей: тем лучше для нас, тем большее количество людей почувствует надобность к дальнейшему исследованию предметов, которое, как мы думаем, ведет мысль к понятиям, излагаемым нами. Понятно теперь, какое чувство возбуждается в нас обстоятельствами, от которых предвидится вред для «Русского вестника»: всякое ослабление столь полезного помощника было бы для нас такою же потерю, как для него самого. Система невмешательства в чужие дела, проповедуемая «Русским вестником», служит основанием и нашей системы: но есть случаи крайней необходимости, когда невмешательство было бы уже дурною беззаботностью, когда неизбежно было бы не подать помощи. Несколько раз «Русский вестник» наносил себе вред, и мы молчали, полагая, что он сам заметит нерасчетливость поступков, вредивших ему. К сожалению, в последние месяцы он повторил прежнюю ошибку, и мы полагаем, что надобно, наконец, сказать ему: «остерегитесь, вы сильно вредите себе». Быть может, он найдет наш совет неуместным, обидится тем, что мы просим его подумать о последствиях его системы действий. Если бы случилось так, если бы вместо признательности мы возбудили в нем лишь неудовольствие, это послужило бы только сильнейшим доказательством основательности нашего мнения, что он нуждается в доброжелательном совете. Он может сердиться на нас, если ему угодно; но мы уверены,

что, с досадою или с признательностью он извлечёт себе пользу из представляемых нами соображений, а его польза — наша польза.

Изложим дело, принудившее нас напомнить «Русскому вестнику» об источниках его силы и надобности не иссушать их.

Повод, из которого возникло это дело, сам по себе очень неважен, — так неважен, что нет особенного интереса даже и разбирать, чье мнение об спорном вопросе, о достоинстве характера и сочинений покойной Свечиной, справедливее: мнение г-жи Тур⁷ или редакции «Русского вестника». Пусть себе Свечина была превосходнейшая женщина, величайшая мыслительница, — из никому от этого ни тепло, ни холодно: жила она не среди нас, действовала не на нас, читать ее произведений русская публика не станет, пользы из них не извлечет, хотя бы они и были полезны обществу и какому-нибудь иному, которое может ими заинтересоваться. Пусть, наоборот, она была очень дурная женщина и плохая писательница, — нам-то какая от того печаль или радость? Спорить об этом все равно, что о том, храбрый ли воин был Мортагон, князь Болгарский. Если случится охота, почему и не поспорить? — дело невинное; но принимать тут к сердцу ровно нечего, браниться из-за такого спора незачем, а у посторонних людей и желания не будет разбирать, чье мнение о качествах Мортагона основательнее. Но если покойная Свечина столь же близка сердцу русской публики, как Мортагон, князь Болгарский, то тем неприятнее, что поднят гвалт, возникли взаимные обиды между полезными и почтенными людьми из-за такого неважного предмета. Мы не хотим разбирать, редакция ли «Русского вестника» или г-жа Тур основательнее судит о Свечиной; но если б и захотели разобрать, то не могли бы по самой простой причине: мы не видим большой разницы в мнениях, высказываемых спорящими. На основные вопросы, от которых зависит взгляд на дело, смотрят они одинаково. Г-жа Тур говорит: «Свечина достойна порицания за то, что изменила родительской церкви», — редакция «Русского вестника» говорит то же самое. Редакция «Русского вестника» прибавляет: «но существовали в воспитании Свечиной обстоятельства, служащие ей извинением», — г-жа Тур уже и прежде говорила то же самое. Г-жа Тур высоко ценит благотворность христианской религиозности, — редакция «Русского вестника» ценит [ее] столь же высоко⁸. Прискорбно, что люди, столь сходящиеся в образе мыслей, разошлись по несоблюдению внешних форм. Воздавая должную похвалу религиозности образа мыслей одной из поднявших спор сторон, нельзя не воздать точно такой же похвалы и другой стороне, столь же справедливой в своей религиозности. Итак, если мы хотим разобрать дело, то не по его содержанию, а единственно по его форме и по тем последствиям, какие порождены были формою действий, которой следовала одна из вовлечшихся в неприязнь сторон.

В № 7* «Русского вестника» за нынешний год была напечатана статья г-жи Евгении Тур «Госпожа Свечина». Сколько мы можем судить, эта статья ничем не отличалась от многочисленных других статей г-жи Евгении Тур, помещавшихся в «Русском вестнике», и соответствовала направлению, господствовавшему в «Русском вестнике». Но редакция «Русского вестника» почла нужным сделать в конце этой статьи следующую оговорку:

Печатая эту интересную статью, мы считаем своим долгом заявить, что не разделяем всех суждений ее даровитого автора. Нам кажутся они несколько односторонними и не совсем справедливыми. Может быть, они вызваны, как реакция, чрезмерными восторгами поклонников г-жи Свечиной; но если несправедлива одна крайность, то так же несправедлива и другая. Статья г-жи Тур очень интересна, но едва ли дает совершенно верное понятие о предмете, ее вызвавшем. Жаль, что вместо мелких афоризмов, взятых из *Airelles* и писанных Свечиной еще в 1811 году, на первой поре ее жизни, критик не выбрал многих мест, например, из ее рассуждения: *Le progrès, la civilisation et le christianisme*. Вообще жаль, что критик выбирал из сочинений автора только то, что казалось ему слабым и могло бросить тень на автора, не касаясь других сторон, которые могли представить его в лучшем свете или, по крайней мере, подать повод к серьезному обсуждению. Религиозный интерес, если он искренен и не соединяется с фанатизмом, заслуживает уважения не только во мнении людей религиозных, хотя бы и других вероисповеданий, но и во мнении тех, кто к этому интересу равнодушен.

Надобно отдать справедливость тону этого замечания: он не имеет в себе ничего оскорбительного. Но тем не менее замечание должно было удивить г-жу Евгению Тур, которая, как видно из последующего хода дела, вовсе не была предупреждена редакцией «Русского вестника» о надобности сделать к ее статье такую оговорку. В Своде законов нет никаких постановлений о правилах, соблюдаемых между редакцией журнала и постоянными его сотрудниками, но правила эти известны каждому и постоянно соблюдаются. Находясь в частных сношениях с постоянными своими сотрудниками, редакторы имеют много случаев переговорить с ними обо всем, что нужно; отношения между людьми, столь близкими, как редакторы и постоянные сотрудники, не допускают никаких неприятных сюрпризов ни с той, ни с другой стороны: обо всем говорится заблаговременно, говорится откровенно. Редакция «Русского вестника» сделала ошибку, не предупредив г-жу Евгению Тур, что не совсем согласна с некоторыми местами ее статьи и думает сделать печатную оговорку о том. Отступление от обычного и совершенно удобного способа действий в этом случае, конечно, должно было оскорбить г-жу Тур, показаться ей не деликатностью или даже пренебрежением. Какая же польза обижать людей без всякой надобности, особенно если эти люди имеют некоторые права на нашу признательность? Поступок, которым была оскорблена г-жа Евгения Тур, был сделан публично, и есте-

* То есть в апрельской первой книжке (тогда «Русский вестник», выходил дважды в месяц). — Ред.

ственным образом она должна была так же публично потребовать объяснения ему. Она прислала к редактору «Русского вестника» для напечатания письмо по поводу оговорки, сделанной к ее статье. Письмо написано умеренным тоном, в деликатных выражениях. Г-жа Евгения Тур не позволяла себе в нем никаких колкостей, и если старалась показать, что оговорка, послужившая таким неловким сюрпризом для нее была непоследовательностью со стороны самой редакции или происходила от недостаточного знакомства с предметом статьи, то что же было делать г-же Евгении Тур? Она была поставлена в необходимость сказать это.

М. Г. Вам угодно было, — писала г-жа Тур, — сделать примечание к статье моей о г-же Свечиной, помещенной в 7 книжке *Русского вестника*. В примечании этом вы сперва выражаете мысль, что не согласны со мной во взгляде на г-жу Свечину (и т. д., г-жа Тур перечисляет упреки, сделанные редакцією ее статье). Все обвинения эти, клонящиеся к тому, чтобы читатели заподозрили меня в недобросовестности, как критика, вменяют мне в неизбежную обязанность опять говорить о г-же Свечиной, о которой, казалось, я уже достаточно подробно высказала свое мнение. Приговор свой о г-же Свечиной я продолжаю считать и справедливым, и беспристрастным; от замечания редактора не может внезапно измениться мнение, составившееся благодаря внимательному чтению биографии и сочинений женщины, о которой идет речь. Мало того, я иду дальше и утверждаю, что если бы вы, м. г., дали себе труд внимательно прочесть биографию г-жи Свечиной и серьезно познакомиться с ее сочинениями, вы не разошлись бы со мной во взгляде. Это предположение я основываю на данных. С тех пор, как появился *Русский вестник*, я исключительно, до сего года, в нем одном имела честь помещать статьи мои, потому именно, что взгляд и убеждения редакции сходились как нельзя больше с моими собственными. Каким же образом могли мы вдруг разойтись в воззрении на лицо характера несложного, на сочинения, насквозь пропитанные такими убеждениями, на которые все образованные люди, кроме католических фанатиков, не могут не смотреть одинаково? Это какое-то чудо. Что-нибудь одно: или мои мнения, без моего ведома, круто повернулись в другую сторону, либо вы сами, что еще страннее при звании редактора, вступили на иную, совершенно противоположную дорогу. Посмотрим, кто из нас изменил себе и своим убеждениям, достаточно известным публике по нашей долголетней деятельности на литературном поле.

Вы порицаете то, что я не сделала выписок из трактата Свечиной «*Le Christianisme*» etc., говорит г-жа Тур: посмотрим, что это за трактат.

Мы должны, во-первых, поставить на вид читателям что... рассуждение *Le Christianisme, le progrès et la civilisation* состоит всего только из 13^{1/2} страниц весьма крупной печати.

Но, говорит г-жа Евгения Тур, быть может, качеством вознаграждается количество, — и она очень подробно разбирает трактат в 13^{1/2} страниц, за невнимание к которому заслужила порицание редакции «Русского вестника»; оказывается, что все эти странички слеплены из обыкновенных общих мест, повторяемых каждым французским ультрамонтанцем. По словам г-жи Евгении

Тур, обнаруживается, что эти 13½ страничек — просто «упражнение французской пансионерки на тему, заданную католическим попом, и заслужившее его одобрение».

Но, — продолжает г-жа Евгения Тур, — заслуживает ли оно одобрение редактора *Русского вестника*, — это другой вопрос, и мы представляем его на суд читателей. Что касается до нас, нам невозможно думать, чтобы мы расходились с вами так резко в своих убеждениях: возникшее несогласие мы готовы объяснить более простым образом. Вероятно, м. г., вы не потрудились прочесть сами этот пресловутый трактат: «*Le Christianisme, le progrès et la civilisation...*»

Что касается до обвинения в том, что мы не умели оценить религиозного чувства г-жи Свечиной (так заключает свое письмо г-жа Тур), то обвинение это еще более голословно. Искреннее религиозное чувство достойно несомненно всякого уважения — это истина, которую излишне было бы доказывать в наше время... Но вы сами говорите, что религиозное чувство, если оно предъявляет права на уважение, не должно быть соединено с фанатизмом; а в том-то и дело, что в г-же Свечиной фанатизм умел как-то хитро уживаться с тщеславием. Г-жа Свечина не была только религиозная женщина; она была одним из корифеев клерикальной партии: свобода, отечество, наука, прогресс для нее не существовали; интересы папской власти и той части французского духовенства, которая стоит во главе так называемой ультрамонтанской партии, были ее исключительными интересами. От партии этой давно уже отшатнулись во Франции, как вам известно, все люди, которые, будучи искренними католиками, дорожат в то же время и плодами современной цивилизации. Если, м. г., такие люди, как Ламенне⁹, искренние католики, отступались с ужасом от темного учения, которым проникнута г-жа Свечина, то вы можете с спокойной совестью не принимать на себя защиты ее памяти от совершенно справедливых нареканий.

Редакция «Русского вестника», по всей вероятности, не предвидела такого результата, когда делала свое примечание к статье г-жи Тур. Редакция, конечно, полагала, что не возникнет печатной полемики из-за этого примечания, иначе она, конечно, справилась бы с содержанием трактата г-жи Свечиной, за невнимание к которому порицала г-жу Тур; а письмо г-жи Тур наводит на мысль, что редакция похвалила этот трактат по простой догадке, не потрудившись заглянуть в него. Последующий документ о том же деле, напечатанный в «Московских ведомостях», совершенно подтверждает, как мы увидим, такую мысль: из него видим, что редакция порицала г-жу Тур, не справившись хорошенько ни с книгой, о которой писала, ни с другими источниками, по которым писала г-жа Тур. Эта вторая неосмотрительность, прибавившись к первой неосмотрительности, по которой была сделана оговорка без предуведомления г-жи Тур, поставила редакцию «Русского вестника» в положение невыгодное. Но, как бы то ни было, вред, нанесенный редакции двумя этими ошибками, не был еще неисправимым. Г-жа Тур только считала нужным защитить себя перед публикой, и редакции «Русского вестника», обманувшейся в своем предположении о том, что оговорка в статье г-жи Тур останется без последствий, и о том, что у г-жи Свечиной есть сочинения действительно замечательные, — редакции «Русского

вестника» легко было бы загладить свою несправедливость относительно г-жи Тур каким-нибудь прямодушным объяснением, удовлетворительным для сотрудника, понапрасну и неосновательно оскорбленного; тон письма г-жи Тур показывает, что она готова была бы удовлетвориться самым безобидным для редакции прекращением неприятностей. Редакции довольно было бы написать: мы не думали оскорблять г-жу Тур; о предметах, которых касалось наше замечание, каждый может думать по-своему; мы остаемся при своем мнении, г-жа Тур может оставаться при своем, ссориться нам с ней из-за г-жи Свечиной решительно не стоит. Если бы редакция «Русского вестника» отвечала на письмо г-жи Тур в этом смысле и деликатным тоном, тем дело и прекратилось бы, неприятность была бы забыта, хорошие отношения восстановлены. Редакция «Русского вестника» предпочла поступить иначе; она отвечала на письмо г-жи Тур очень длинным оскорбительным рассуждением, наполненным колкостями, из которых иные были очень грубыми личными обидами уже не писательницы, а женщины. Какими побуждениями руководилась редакция «Русского вестника» при таком поступке, мы не хотим говорить теперь: соображения об этом представлены статьею «Московских ведомостей», отрывки из которой читатель найдет ниже. Теперь познакомимся пока с внешним фактом — с ответом «Русского вестника» на письмо г-жи Тур. Письмо г-жи Тур было напечатано в 8 № «Русского вестника», и в том же номере помещен длинный ответ на него, занимающий целых двадцать страниц. Перепечатывать его весь мы не имеем возможности; ограничимся несколькими местами:

Г-жа Евгения Тур (говорит редакция «Русского вестника») доставила нам статью по поводу книги г. де-Фаллу «Madame Swetchine»¹⁰. Несмотря на беспокойство своего тона, несмотря на некоторые очевидные излишества, статья эта, весьма интересно и живо написанная, не представляла со стороны общего образа мыслей препятствий к помещению ее в «Русском вестнике». Мы дали слово напечатать ее в ближайшей книжке; но прежде чем решились окончательно подписать эту статью к печати, нашли не лишним справиться с недавно полученною в Москве книгою, по поводу которой статья написана и которой мы еще не имели в руках. Справка эта убедила нас в крайней неверности тона и многих суждений статьи. К сожалению, время не позволяло отложить ее печатание и заменить ее другою. Нам осталось лишь заявить наше разногласие с автором, что мы и сделали в выражениях самых умеренных, совершенно неоскорбительных и даже, быть может, слишком уклончивых.

Как портится дело редакции «Русского вестника» самую редакцию. Разве нужна ей, приятна ей была ссора с сотрудником, так долго и так много помогавшим ей? К чему же эти обидные слова о «беспокойстве тона»; к чему объяснять дело так, что объяснением напрасно увеличивается неприятность, нанесенная г-же Тур? «Время не позволяло заменить этой статьи другою...» К чему такие слова? Зачем делала редакция «Русского вестника»

намек, что «Русский вестник» печатал статьи г-жи Тур только по недостатку других статей, по невозможности заменить их чем-нибудь лучшим, что они составляли журнальный балласт, печатались лишь для наполнения известного числа листов в книжке?

Но г-жа Евгения Тур, — продолжает редакция «Русского вестника», — прислала нам для печатания письмо, которое и напечатано нами в этой книжке. Она протестует, она взывает к нашим убеждениям, грозит нам отлучением от общества образованных людей, упрекает нас в ультрамонтанстве и чуть не в иезуитизме. Она зовет нас на суд общественного мнения. Мы являемся, но предупреждаем, что перед судом всякая уклончивость была бы неуместна, что перед судом надобно выводить дело начистоту.

Опять спрашиваем: зачем все это? Зачем было говорить: «г-жа Евгения Тур упрекает нас в ультрамонтанстве и чуть не в иезуитизме», когда она просто говорила: напрасно вы порицали меня, не справившись; если бы вы справились, вы согласились бы со мной, что сочинения г-жи Свечиной плохи? К чему придавать размер важных взаимных обвинений несогласию, которое до сих пор имело вид невинного литературного или, лучше сказать, библиографического спора? И к чему эта громкая фраза: «она зовет нас на суд; мы являемся, но предупреждаем, что перед судом надобно выводить дело начистоту»? Разве дело шло о преступлениях или о гнусностях, низостях? Дело пока шло только об ошибках неловких, но вовсе не бесчестящих никого. Зачем же повертывать его так, как будто подвергается бесславию тот, кто окажется неправым? Горячность тем более опрометчивая, что все шансы успеха в споре не на стороне редакции, так раздувающей его размеры, бывшие вначале ничтожными.

Редактору «Русского вестника» (продолжает редакция) очень приятно узнать, что его убеждения сходились со взглядами и убеждениями г-жи Евгении Тур, хотя он с своей стороны и не берется с точностью определить, в какой мере сходились. Но к чему тут убеждения, когда дело вовсе не в убеждениях, а в простой справедливости? Никакие убеждения не оправдывают несправедливости. Мы имеем наивность не отличать статей от поступков. Публичное слово, да и всякое слово, есть, по нашему мнению, или, если угодно, по нашему убеждению, то же, что и поступок, и мы искренне желаем, чтоб убеждения г-жи Евгении Тур сходились с нашими и в этом отношении.

Опять, какое ошибочное желание язвить противника без всякой нужды. Г-жа Тур просто говорила: мы с вами всегда сходились в убеждениях, посудите же, какая вероятность, чтобы я вдруг написала статью, резко противоречившую вашим убеждениям, — ей на это отвечает: «очень приятно узнать, что ваши убеждения сходились с нашими, хотя мы с своей стороны не беремся с точностью определить, насколько сходились», — что это такое значит? Что это такое, если не колкий, презрительный намек на то, что убеждения г-жи Тур всегда казались дурными редактору «Русского вестника»? К чему это объявление, что вы

напрашивается на сотоварищество со мной, но я отвергаю подобных людей? Дальше еще лучше: «мы имеем наивность не отличать статей от поступков». К чему это провозглашение, что статья г-жи Тур была дурным делом в нравственном отношении? Что же то такое: воровство, разбой, поджог? За обвинениями в преступлениях следуют насмешки.

Г-жа Евгения Тур поставила себе целью неутомимо ратоборствовать против мрака и зла — прекрасная цель. Она хочет всю свою жизнь преследовать ультрамонтанство, изобличать лжеучения папизма — в добрый час (стр. 470).

Где в статье г-жи Тур или в письме ее места, дающие право на такие насмешки? Этим тоном проникнут весь ответ редакции. Чего тут нет! Главным источником насмешек служит тонкое противоположение похвальных качеств Свечиной с качествами, которые, как следует из намеков, надобно читателю предполагать в г-же Тур, — уловка очень легкая, но могущая только быть выражением склонности оскорбить г-жу Тур, а на самом деле нерасчетливая даже и в этом отношении: сравнение с Свечиной не может не быть выгодным не только для г-жи Тур, но и ни для какой женщины. Ханжество и фанатизм — это такие качества, что быть уличенным в недостатке их — значит уже очень много выиграть во мнении порядочных людей. Вот из ответа редакции «Русского вестника» отрывки, могущие дать понятие о предмете, на который нападала статья г-жи Тур и защиту которого приняла на себя редакция «Русского вестника»:

Свечина никогда не отличалась фанатизмом; ум ее был открыт и знаком с литературами всех образованных народов, даже с произведениями древних; она обладала высоким образованием... Напрасно также стали бы мы искать этой черты (фанатизма) в ее сочинениях... в этих писаниях нет и признака религиозной нетерпимости, нет никакого мрачного учения. В них нет апологии папизма как папизма, нет или почти нет сближений с другими вероисповеданиями... Писания ее имеют общий религиозный характер, и большая часть сказанного ею могла быть сказана всяким религиозным человеком, православным или протестантом.

Упрекая Свечину в фанатизме, критик в то же время укоряет ее за какую-то холодность сердца, хотя все, что известно о жизни этой женщины, и все, что ею написано, свидетельствует об удивительной горячности, с какою она посвящала себя главному интересу своей жизни, религии и делам милосердия. Правда, Свечина не занималась любовными делами. Но неужели только в одном этом может проявляться горячность? Неужели для человека, и даже для женщины, ни в чем ином нельзя проявить горячность сердца?

Молодая Софья Соймонова не знала никакой религии. Впервые заговорило в ней религиозное чувство, когда она встретилась с де-Местром. Но не свидетельствует ли в пользу ее природы то, что среди пустоты и мелочей светской жизни она могла с такою силой сосредоточиться в интересе глубоком и внутреннем, к какой бы сфере ни принадлежал этот интерес? Не замечательное ли явление — эта молодая светская женщина, принятая ко двору, с напряжением изучающая богословские фолианты? Может быть, она могла бы лучше употребить свои силы, чем на чтение книг, которые ей

сообщал де-Местр; но все-таки несравненно лучше употребляла она их, чем многие натуры, *широкие* и *узкие*, которые вращались в той среде, где она родилась и откуда ушла.

Мы не можем следить за всеми подробностями ответа, напечатанного редакцией «Русского вестника», да нам и не нужно этого, потому что мы обращаем внимание не на содержание, а только на форму спора. Заметим только, что редакция очень подробно говорит о том, что г-жа Тур «подбирала» только «маленькие черточки», которые могли «выставить г-жу Свечину в смешном виде, тщательно избегая всего, что могло бы быть истолковано в ее пользу». Одна из главных рекомендаций уму и гуманности Свечиной представляется, по словам редакции, тем, что Токвиль¹¹ высокого ценил ее дружбу:

Токвиль в своих письмах относится к Свечиной не просто как к почтенной и доброй старушке, он видит в ней зрелое сильное разумение, представляет на суд ее свою мысль, подвергает ее критике свои идеи, те самые идеи, которые так высоко отличали его между современными писателями Франции, можно сказать, Европы. Между прочим, он доказывает ей в этих письмах необходимость, чтобы духовенство принимало более живое и деятельное участие в интересах своей страны и в вопросах политических, соглашаясь с ней, что влияние духовенства, равно как и влияние женщины, должно простираться преимущественно на общие и внутренние источники действий, не вмешиваясь в их внешние и частные проявления...

Итак, мы не только имели полное право, но были обязаны сказать под статью г-жи Евгении Тур, что она судила односторонне и несправедливо. Мы выразились уклончиво и мягко, мы сказали: *несколько односторонне и не совсем справедливо*; читатели имеют полное право упрекнуть нас теперь, зачем не сказали мы: *крайне односторонне и слишком несправедливо*.

После приводятся выписки из сочинений Свечиной в доказательство тому, что г-жа Тур неверно переводила или пересказывала их, а потом другие, очень длинные выписки, доказывающие, по мнению редакции «Русского вестника», что в сочинениях Свечиной есть глубокомыслие и религиозное чувство, заслуживающее большого уважения, и что вообще г-жа Тур была несправедлива к даме, превозносимой французскими ультрамонтанцами. Долгое возражение заканчивается словами:

Все это г-жа Евгения Тур называет упражнением пансионерки на тему, заданную католическим попом. Удар энергичский, но на кого он падает? Что доказывается этим сильным словом?

Да, хорошо было бы вперед знать редакции «Русского вестника», на кого упадет удар, — тогда она остереглась бы поднимать дело, которое вело к удару, потому что он был должен упасть не на г-жу Тур, как думала редакция, а на самую редакцию. Ударом этим была статья, напечатанная в № 109 «Московских ведомостей». Тонем своим она совершенно гармонирует с тоном ответа редакции «Русского вестника» на письмо г-жи Тур. Самое заглавие статьи, подписанной псевдонимом «Май» (оче-

видно, для напоминания о знаменитом некогда псевдониме «Бай-Борода»¹²⁾, говорит о ее желчности, — она называется: «Краткое сказание о последних деяниях «Русского вестника». Она так же длинна, как ответ редакции «Русского вестника» на письмо г-жи Тур, писана с большими, вообще неудачными претензиями на остроумие и по литературному достоинству гораздо слабее ответа редакции «Русского вестника» на письмо г-жи Тур, а тем более самого письма г-жи Тур. Вот начало, по которому читатель может видеть, что неизвестный автор статьи не слишком большой мастер острить, шутить и колоть.

4-го мая нынешнего года на полях «Современной летописи» «Русского вестника» произошла кровавая битва. Кичливый подданный дерзнул поднять против своего властителя знамя восстания. Могучий властитель запыхал гневом и вывел против мятежника свои военные силы, закаленные в многих сражениях подобного рода. Официальные известия говорят о блистательной победе. Гонимый счастливого властелина разносит на все стороны молву о новом громоносном его подвиге. Полуофициальные сателлиты его уверяют, что строптивый мятежник совершенно уничтожен. Толпа, любящая всегда сильные удары, рукоплещет и ликует о победе. Посреди этих всеобщих ликований, посреди поздравительных адресов от разных классов победитель покоится на лаврах и вкушает сладкий нектар торжества. Он смотрит с гордостью на свое дело, уверенный, что такое жестокое наказание упрочит навсегда его власть, послужит спасительным примером для других непокорных подданных и что с этих пор в государстве «Русского вестника» царствовать будет тишина и порядок. Мы были далеко, когда дошли до нас первые глухие слухи об этих важных событиях. Опыт последних годов, частое появление политических и военных уток приучило нас к некоторой недоверчивости насчет известий о современных событиях, особенно насчет известий о разных победах.

Неизвестный автор статьи тяжеловат в своих шутках и полемизирует вообще неудачно. Но посмотрите, в какое неловкое положение поставила себя редакция «Русского вестника»: даже от неискусной руки этого слабого противника «падают» на нее тяжелые «удары».

С некоторого времени странные дела совершаются в этом почтенном журнале (говорит «Май»). Столкновение г-жи Евгении Тур с редакцией «Русского вестника» есть только последнее явление в длинном ряде фактов, из которых многие похоронены во мраке неизвестности и только три доведены до общего сведения посредством печати. Редакция «Русского вестника»... обнаруживает... оригинальный образ действий... Без ведома и согласия авторов она делает в них (в статьях) пропуски, руководясь в этом совершенно загадочными соображениями, или же снабжает статьи своими собственными «эдукациями»* и навязывает сотрудникам разные порождения своей фантазии. Почтенные авторы, получая книжки «Русского вестника», не узнают своих собственных произведений: одни из них удивляются их чрезвычайно худощавому состоянию, другие с изумлением находят в них такие вещи, о которых и во сне не мечтали. Другой оригинальный прием редакции состоит в том, что она помещает в своем журнале статьи и тут же сама пишет критики на эти статьи, протестует против них, доказывает автору, как сильно он ошибается, и причисляет его к той или другой кате-

* Разглагольствованиями. — *Ред.*

горни отверженных ею людей. Третий, еще более оригинальный прием заключается в том, что редакция печатает в конце статей заметки, в которых говорит автору разные нравочения и делает злобные намеки. Словом, редакция становится каким-то особенного и еще небывалого рода исправительным домом и заведением для улучшения нравственности своих сотрудников.

Примером первого приема выставляется история урезанной без согласия автора редакцией «Русского вестника» статьи г. Благовещенского о Ювенале; примером второго приема — примечания, которыми исправляла редакция «Русского вестника» статью г. Утина «Очерк исторического образования суда присяжных в Англии», и выговор ему от редакции, напечатанный под заглавием *Nil admirari*¹³; примером третьего приема — замечание, приделанное к статье г-жи Тур. В чем же причина столь оригинального обращения с сотрудниками и статьями? — продолжает «Май»:

Причина всего этого довольно сложна и преимущественно психологического свойства. Описанные нами явления происходят большею частью от особенного мнения редакторов «Русского вестника» о самих себе и от особенного тоже мнения их о значении редакции вообще. Большею успех «Русского вестника»... произвел дурное влияние на редакторов этого журнала. Говоря простонародным языком, они очень зазнались... Мало-помалу поселилось в них убеждение, что они умнее, учнее, глубокомысленнее не только всех своих сотрудников, но и всех... вообще. Они воображали себя единственными настоящими двигателями развития в России, могучими умственными силачами, с которыми некому у нас равняться, непогрешительными мудрецами, которых никто не уличит в незнании; они глубоко убеждены в том, что, кроме них, никто ничего не понимает надлежащим образом.

Но для приобретения этого универсального знания им вовсе не нужны книги. Они имеют то, чего не имеет никто в нашей земле, — философское образование. Они долго купались в море философии, просветили свой ум философию и насковзь проникнулись философию. А философия — такое знание, которое заменяет собою и делает излишними все другие...

Согласно с этим сложилось и особенное понятие редакторов «Русского вестника» о значении редакции вообще. Из всего, что они делают, видно, что с их точки зрения редакция есть не что иное, как начальство, умственное начальство, а сотрудники — подчиненные. Редактор, как начальник, по необходимости умнее своих сотрудников. Начальство всегда бывает умнее подчиненных. Иначе быть не может. Иначе был бы извращен естественный порядок вещей. Сотрудники обязаны уважать высоко авторитет редактора и с почтением принимать его замечания.

Каковы же результаты философского всеведения, которым обладают редакторы «Русского вестника»? Вот что отвечает Май на этот вопрос:

Она (редакция «Русского вестника») защищает английские учреждения, это ее специальность. Она имеет претензию на самое глубокое и основательное знакомство с ними... Мы скажем, однакож... что это глубокое знакомство со всем, что касается до Англии, есть не что иное, как чистый догматизм, высокомерный, самодовольный и нетерпимый догматизм, лишенный научного содержания. Всему миру известно, каким образом сложились идеи и убеждения «Русского вестника» насчет самоуправления, децентрализации

и т. д. Об этом скажет всякий и в Петербурге, и в Москве, и в Казани, и в Киеве, и в Одессе. Об этом говорят даже за границею. Редакция «Русского вестника» уяснила себе все эти вопросы вследствие спора с г. Чичериным и другими своими сотрудниками. До половины 1857 года незаметно было в журнале никакого предпочтения к английским учреждениям; напротив, в нем писались разные милые шутки над Англией и ее государственными людьми. Обращение было внезапное. Разрыв с частью сотрудников утвердил мнения и убеждения редакции и дал им определенную, окончательную форму. С тех пор в очень скором времени она приобрела себе такое необыкновенное знание всего английского быта, что стала авторитетом в этом деле и не даст никому сказать о нем своего слова. Она довела предпочтение к английскому устройству до какого-то безусловного, нетерпимого поклонения и не позволяет никому коснуться ни одного английского учреждения. Она сделалась английскою более, чем сами англичане, так что готова упрекать англичан в непонимании ими своих собственных учреждений и сердится, если они сами находят в них недостатки. Между тем всякий, кто прилежно читает «Русский вестник», видит, что единственными источниками политической премудрости редакции служит газета «Times» и известное сочинение Гнейста об английском устройстве¹⁴.

Май доказывает это спором редакции «Русского вестника» с г. Утиным за английских мировых судей. Наконец он берется за разбор случая, бывшего прямым поводом к его статье, за разбор дела между г-жою Тур и редакциею «Русского вестника». Он начинается объяснением, что заметки позволительно делать в начале или в середине статьи, но непозволительно делать их в конце статьи, придавая чрезвычайную важность этой дистинкции, напоминающей знаменитое прение в Пассаже о том, что если бы г. Перозио напечатал какую-то фразу простым шрифтом, он был бы прав, а когда напечатал ее курсивом, то уже неправ¹⁵. Потом замечается, что замечали и мы, — что приличие требовало предупредить г-жу Тур о намерении сделать примечание к ее статье.

Редакция оправдывается, *argès cour**, тем, что уже было поздно, что время не позволяло отложить печатание статьи. Странно! Статья о г-же Свечиной стоит последняя в первом отделе; она занимает меньше двух листов печати; очень легко можно было выпустить ее совсем, книжка и без того была бы толста. Можно было даже заменить ее другою. Сколько нам помнится, книжка опоздала тогда не более как тремя или четырьмя днями. Известно, что прежде книжки «Русского вестника» являлись двадцатью днями позже срока. Публика охотно подождала бы и на этот раз. Но зачем предаваться всем этим соображениям? Мы узнаем теперь от редакции, что статья г-жи Тур совершенно плоха, негодна и противна ей, и она сожалеет, что не отделала автора получше, что не усилила приема; упрекает себя в том, что выразилась слишком мягко. Если так, то тем более становится непонятным, зачем редакция поместила такую плохую, негодную и противную ей статью! Редакции просто хотелось сделать г-же Евгении Тур неприятность и наказать ее за какую-нибудь ее прежнюю, нам неизвестную непокорность.

Г-жа Тур послала письмо в редакцию «Русского вестника», продолжает И. Май, — это требовало большого мужества, потому что редакция «Русского вестника» считается непобедимою в по-

* С запозданием; после совершившегося факта. — Ред.

лемике. Ответ г-же Тур написан с уверенностью, что он уничтожит г-жу Тур, но, к несчастью, он вышел неудачен.

Мы не станем разбирать, была ли она пристрастна к г-же Свечиной или беспристрастна. Пусть она сама защищает свое мнение, если хочет. Мы вообще ничего не будем говорить о г-же Свечиной. С нашей стороны мы предоставляем редакции полное право находить в ней «ум сильный, замечательный и владеющий собой, нравственное чувство и зрелость мысли и глубокое развитие душевной жизни». Пусть она любитесь всеми этими высокими свойствами, сколько ей угодно.

А мы между тем займемся ответом редакции с другой точки зрения. В начале этого ответа редакция делает великолепную profession de foi*. Она извещает нас, что имеет «наивность» не отличать статей от поступков. Публичное слово, да и всякое слово, по ее мнению и убеждению, есть то же, что и поступок.

Мы и будем разбирать ответ редакции с точки зрения наивности и с точки зрения гармонии между поступком и словом.

Не дальше как на следующей странице мы читаем, что г-жа Евгения Тур «поставила себе целью неутомимо ратоборствовать против мрака и зла... она хочет всю свою жизнь преследовать ультрамонтанство, изобличать лжеучения папизма». Мы до сих пор ничего этого не знали. Это что-то новое. Мы опять прочли внимательно статью г-жи Тур и «Письмо» ее к редактору, но нигде не находим никакого указания на подобные намерения почтенной писательницы. Откуда цитует редакция? Если в самом деле редакция приводит места из других каких-нибудь писем г-жи Тур, то полезно было бы знать, делает ли это с согласия, по полномочию или требованию своей корреспондентки или просто по наивности? Слово ли это или поступок?

Но дальше мы встречаем в ответе нечто такое, чего уж никак нельзя назвать наивностью. В краткой заметке под статью г-жи Тур редакция упрекала писательницу в религиозном индифферентизме. Теперь она переменила тактику и упрекает ее в совершенно противоположном — именно в религиозной нетерпимости, исключительности, фанатизме. Редакция наша, что эта новая тактика гораздо для нее выгоднее... Аргумент весьма силен, но тут между словом и поступком редакции такое расстояние, как между небом и землею.

Мы не имеем ни надобности, ни охоты приводить всех нападений Мая; ограничимся одним случаем: мы видели, что редакция ставит высокою рекомендациею для ума Свечиной письма к ней Токвиля. Что ж такое эти письма по объяснению Мая?

Кто читал ответ редакции и не читал книги г. де-Фаллу, подумает, что эта книга переполнена письмами Токвиля к г-же Свечиной, что он был неоступным другом ее жизни, отводил с ней свою душу, передавал ей содержание знаменитого своего сочинения «L'ancien Régime et la Révolution», советовался с нею, как писать это сочинение, подвергал ее оценке все свои идеи. Мы находим, что редакция пускает в глаза публики слишком много пыли. Она говорит, что переписка Токвиля с г-жою Свечиной занимает значительное место в книге г. де-Фаллу и служит лучшим украшением ее и что в ней все идет речь только о политических и общественных предметах. Писем Токвиля всего семь, и они занимают 12 страничек. Письма эти не представляют ничего особенно замечательного и украшают книгу разве только ради одного имени Токвиля. Из всего видно, что он был знаком с г-жою Свечиной только в последние три года ее жизни, не сострял с нею в очень близ-

* Исходящее веро, программное заявление. — Ред.

ких сношениях и не видался с нею часто. Мы не находим, чтобы он излагал г-же Свечиной идеи своего знаменитого труда и советовался с нею насчет его. Он говорит о нем только в одном письме, менее страницы, и еще извиняется, что распространился слишком много. Мы не видим в переписке особенного богатства политических и общественных предметов. Редакция пишет, что между прочим Токвиль толкует с г-жою Свечиной о необходимости живого участия духовенства в делах страны. Действительно, этим вопросом заняты два письма его; да прочего-то мы как-то не видим. Редакция выписывает из одного письма Токвиля комплименты его г-же Свечиной; но для точности следовало начать выписку не со середины письма, а перевести и первые пять строчек его, из которых публика увидела бы, что это поздравительное письмо, писанное, по старому обычаю, перед новым годом.

Теперь спросим: расчетливо ли было со стороны редакции «Русского вестника» раздувать дело, чтобы оно пришло к таким результатам? Каждая опрометчивость со стороны редакции подвергала ее неприятности гораздо сильнейшей, чем неприятность, какую надеялась она нанести г-же Тур. Помещение оговорки без предупреждения г-жи Тур заставило г-жу Тур доказать, что редакция делала свое примечание наудачу, не будучи знакома с предметом статьи. Мало того, г-жа Тур принуждена была сказать, что редакция обнаружила этой оговоркой наклонность следовать взгляду на вещи, различному от тех убеждений, какими прежде характеризовался «Русский вестник» и каким был он обязан своими успехами в публике. Вместо того, чтобы пожалеть о сделанной ошибке, поставившей редакцию в неприятность выслушать такие замечания, редакция «Русского вестника» вздумала отвечать на письмо насмешками и оскорблениями г-же Тур, полагая, что уничтожит ее. Эта новая неловкость вызвала статью «Московских ведомостей», написанную уже не в том умеренном духе, как письмо г-жи Тур, а с резкою беспощадностью; статья безжалостно обнаружила слабые стороны редакции, которых не хотела касаться г-жа Тур. Чего тут не оказалось? Оказалась даже слабость знакомства редакции с Англиею, знание которой до сих пор составляло гордость «Русского вестника». Но прошедшего не вернешь. Мы желали бы только одного: чтобы редакция «Русского вестника» увидела безвыходность своего положения в полемике, которую опрометчиво возбудила, чтобы она прекратила спор, продолжение которого непременно должно еще больше поколебать ее авторитет в публике. Редакция предполагает в себе чрезвычайные полемические силы, и действительно, ответ на письмо г-жи Тур написан с большою ловкостью. Но никакая ловкость не может изменить сущности дела, которая вовсе не в пользу редакции: чем скорее прекратится оно, тем лучше для нее.

Но если мы желаем, чтобы прекратился спор, невыгодный для редакции «Русского вестника», мы желаем этого не по заботливости о личной славе редакторов, — какое нам дело до них? Пусть бы они держали себя так, как им угодно, лишь бы не вредить своему журналу. Есть другая сторона в изложенном нами

деле: система действий редакции «Русского вестника» вредит самому журналу, — вот это горько для нас; вот именно только это и заставило нас обратить внимание на историю, которой мы немало не заинтересовались бы, если бы она касалась только личного спокойствия редакторов, а не вредила самому журналу. В чем состояла главная сила «Русского вестника» в первое, блистательное время его существования? В том, что он располагал силами гораздо большего числа постоянных хороших сотрудников, чем какой бы то ни было другой журнал в то время. В других журналах было всего по три, по четыре человека, постоянно помогавших редактору; в «Русском вестнике» было таких людей человек пятнадцать или двадцать. При этом обилии сил журнал шел прекрасно. К несчастью, редакция не умела ценить своего положения и повела дело так, что скоро отделились от «Русского вестника» довольно многие из людей, на содействии которых основывалось могущество «Русского вестника»: вместе с г. Е. Коршем удалились от «Русского вестника» г. Ф. Дмитриев, г. Чичерин и некоторые другие люди, бывшие столь же полезными для журнала. Что хорошего вышло для «Русского вестника» или вообще для литературы из этого распада? Отделившиеся люди основали новый журнал¹⁶; но оказалось, что у них не достало средств вести его удовлетворительно, и вот уже несколько лет силы этих людей не приносят литературе той пользы, какую приносили до отделения от «Русского вестника», а сам «Русский вестник» заметно ослабел с той поры: в нем уже не было стольких дельных людей, чтобы каждая книжка попрежнему наполнялась живыми статьями. Пропорция журнального баласта значительно возросла в «Русском вестнике». Довольно часто редакция бывала принуждена выпускать книжки, не имевшие уже ни одной живой статьи, подобные книжкам тех второстепенных журналов, которые существуют, не обнаруживая никакого влияния на публику. До отделения г. Е. Корша и его друзей каждый номер «Русского вестника» производил впечатление на публику, возбуждал горячие толки; бывало, куда ни придешь, повсюду вас спрашивают: читали вы последний номер «Русского вестника»? что вы думаете о такой-то статье? не правда ли, что она хороша? Бывало, тотчас же начинают читать вам разные отрывки из этого последнего номера, если вы еще не видали его. В последние два года этого уже почти не было: «Русский вестник» не сохранил и половины прежнего интереса для публики; но все-таки он оставался одним из наиболее любимых публикою журналов. Мы боимся, чтобы теперь он не утратил значительной части влияния, уцелевшего за ним после этой первой потери. Г-жа Тур удаляется от «Русского вестника». Вместе с ней удаляются ее литературные друзья. Что хорошего будет от этого для литературы и для самого «Русского вестника»? Говорят, что отделившиеся сотрудники думают основать новый журнал или

Новую газету. Хорошо, если у них достанет средств придать своему изданию сильный интерес; но пример «Атенея» служит невыгодным предзнаменованием. Всего скорее надобно полагать, что у нового издания неостанет сил занять такое место, какое принадлежало «Русскому вестнику». А сам «Русский вестник» еще снова ослабел бы, если бы уже действительно нельзя было возвратить ему содействия отделяющихся сотрудников. Но мы думаем, что дело еще может быть поправлено, если редакция «Русского вестника» поймет надобность в том. Там, где ссора возникает из личных мелочных неприятностей, прекратить ее всегда возможно, если люди, по несчастию вовлекшиеся в нее, — люди порядочные, люди, преданные делу, умеющие ставить его выше пустых личных неприятностей. Мы не имеем права полагать, чтобы кто-нибудь из лиц, о которых теперь говорим, не обладал благородными чувствами, не был готов бросить самолюбивое раздражение для пользы своих убеждений? Притом же и самое положение спора благоприятствует примирению: каждая сторона, вероятно, уже находит, что выказала в нем довольно полемических талантов, вероятно, очень довольна своим остроумием, — чего же больше: когда каждый доволен самим собой, взаимная снисходительность не бывает тяжела. Все считают себя победителями, а победители бывают великодушны. Но, разумеется, первый шаг к примирению лежит на обязанности той стороны, которая подала первая повод к неприятностям. Если редакция «Русского вестника» понимает свои выгоды, она даст отделяющимся от нее сотрудникам возможность снова сойтись с нею. Желать этого заставляю нас выгоды литературы вообще и собственные наши интересы: мы уже говорили, что считаем «Русский вестник» очень полезным подготовителем публики к принятию идей, которые мы защищаем. Нет нужды, что «Русский вестник» очень усердствует доказывать нелепость и гибельность мнений, которых держимся мы: он все-таки выводит людей из умственной летаргии на дорогу, по которой каждый серьезный человек из пробуждаемых им непременно должен раньше или позже прийти к образу мыслей, нами излагаемому; всякая потеря столь полезного для нас помощника — наша собственная потеря, и вот почему редакция «Русского вестника» не ошиблась бы, послушавшись нашего совета: одинаковость наших собственных интересов с ее выгодами должна служить ей достаточным ручательством за искренность совета, даваемого нами ей.

Получив теперь 10-ю книжку «Русского вестника», мы видим, к сожалению, что история, нами рассказанная на предыдущих страницах, обогатилась новым документом. Редакция «Русского вестника» напечатала в этом номере своего журнала «Объяснение», служащее ответом на статью Мая в «Московских ведомостях». «Объяснение» столько же выше статьи Мая по лите-

ратурному таланту, с которым написаны если не все, то многие его страницы, сколько уступает ему убедительностью содержания. Прекрасным примером полемической ловкости служит самое начало «Объяснения»:

В № 109 «Московских ведомостей» помещена статья под заглавием *Краткое сказание о последних деяниях «Русского вестника»* и помещена, как замечено редакцией газеты, в интересе гласности. Побуждение весьма естественное и весьма похвальное в редакторе газеты, хотя бы и казенной. Гласность есть, без сомнения, дело полезное. Она выводит на свет клеветы и сплетни, которые плодятся во всякой общественной среде, и дает таким образом возможность изобличать и опровергать их. «Московские ведомости» могли бы сказать в своем примечании, что помещением этой статьи они имели в виду оказать услугу «Русскому вестнику», и мы бы очень охотно поверили им, по крайней мере, вполне согласились бы с ними.

В самом деле, нет ничего на свете сколько-нибудь обращающего на себя внимание, что не возбуждало бы неблагоприятных слухов, выдумок и клевет. Пока слухи остаются слухами и переходят из дома в дом, из уст в уста, нет предела их развитию. Печать, напротив, все отрезвляет, все приводит в должные размеры, и нелепая клевета, вздорная выдумка иногда не требует никаких опровержений и изобличается сама собою, появляясь в печати, если только публики привыкла к гласности, не пугается печатных объяснений как скандалов и не предпочитает им тихих разговоров, как бы ни были они действительно скандальны. Вот почему мы думаем, что редактор «Московских ведомостей» оказал нам услугу, напечатав сказание о наших деяниях; все обвинения, высказанные в печатной статье, непременно ходили бы в обществе в виде более или менее достоверных слухов с разными дополнениями и украшениями, — говорим: непременно, потому что, как оказалось, есть люди, очень заинтересованные нами и нашими деяниями. Теперь эти обвинения собраны, тщательно сгруппированы, весьма игриво изложены и сами подлежат суду как публики, так и обвиняемых лиц. То, что было бы для редакции «Русского вестника» таинственным иском, становится теперь величиной определенной, которую можно и взвесить, и разложить на составные элементы.

Оборот очень искусный. Можно заметить только, что у редакции «Русского вестника» недостало сдержанности, чтобы сохранить во всей статье верность этому вступлению. Дальше попадаются выходы против редакции «Московских ведомостей», грубостью своею вовсе не соответствующие такому началу, очень сильному своею ироническою любезностью. Эти дальнейшие выходы ослабляют хорошее впечатление, им производимое.

Гласность очень хороша, между прочим, и для уничтожения сплетен, сказала редакция «Русского вестника», и затем продолжает: впрочем, главный, общий факт, выставляемый на вид статьей Мая, так неправдоподобен, что и без помощи гласности никто бы ему не поверил. По словам Мая редактор «Русского вестника» обращается с своими сотрудниками, как начальник с подчиненными. Но, замечает редакция, —

«Русский вестник» издается уже не первый год. В «Русском вестнике» участвовали и участвуют своими трудами лица, принадлежащие к числу лучших деятелей нашей литературы, и не одни литераторы в теснейшем смысле, но и лица, принадлежащие к различным общественным сферам, отличающиеся и дарованиями, и самостоятельным образом мыслей, и нравственным достоинством. Спрашивается, вероятно ли, чтобы эти лица не только согла-

сились выносить подобные отношения к какой бы то ни было редакции в продолжение многих лет или даже одного года, или одного месяца, но даже допустили хоть на минуту самую возможность подобных отношений? Чтобы дать этой фантазии какой-нибудь смысл, надобно ограничить ее размеры, надобно допустить, что не все, а лишь некоторые сотрудники «Русского вестника» находятся в том жалком положении, какое изображает широкая кисть автора статьи. Если бы нашлись такие люди, то они действительно заслуживали бы сожаление или, лучше сказать, они заслуживали бы такое жалкое положение. Все выходки, все обвинения против редакции, собранные автором статьи, падали бы собственно на этих несчастных. Чем хуже деспот, тем презреннее подданные, которые несут его иго. Мы не судьи собственной нашей личности. Но допустим, что мы действительно одержимы бесом властолюбия и исполнены самых дурных наклонностей; тем хуже для тех, кто, сознавая это, негодуя и ропща против нас в душе своей, поддерживал с нами сношения и оставался нашим сотрудником. Чем могли мы прикрепить к себе свободных людей, чем могли действовать на них и поработить их нашему властолюбию и самоуправству? Как могли бы мы проявить наши деспотические наклонности на людях, которые нам неподвластны? Редакция журнала не есть населенное имение, не есть даже канцелярия. Здесь отношения совершенно свободны, никто ни от кого не зависит, и люди, которые не могут сойтись между собою, могут разойтись без всякого препятствия и затруднения. Если свободный ведет и держит себя по обычаю невольника, то в этом виновата его собственная добрая воля или его природа.

Опять очень искусный оборот. Но положение бывает иногда так невыгодно, что и величайшая полемическая ловкость остается напрасна. Так и тут. Май пустился в неловкую утрировку, редакция «Русского вестника» мастерски схватила эту слабую сторону своего порицателя и повернула его мысли так, что выходит из них едкий намек против него самого и защищаемой им стороны. Но кто не видит, что выставить слабость неловкого адвоката не значит еще опровергнуть сущность дела, неудачно им излагаемого? Каждому понятно, что отношения, за любовь к которым упрекает Май редакцию, только названы им начальническими по неумению его сообразить, что этим словом он дает оружие против себя; каждый чувствует, что дело идет не о «деспотизме», по ироническому выражению редакции «Русского вестника», а просто о некоторых отступлениях от деликатности, может быть и незначительных в сущности, но все-таки неприятных для людей, подвергающихся им. Опять, кто не знает, что при наших привычках люди очень почтенные, благородные, глубоко сознающие свое достоинство, умеющие даже защитить его в крайних случаях, часто бывают расположены считать неуместным громко высказывать неудовольствие, когда бывают оскорбляемы не слишком уже тяжело? Ведь сам «Русский вестник» прекрасно говорит об этом общем нашем недостатке: обижаться и, однакоже, молчать, чувствовать неприятность и переносить ее. Ведь у нас желающий может быть менее деликатным, чем следовало бы; вот об этом следовало бы подумать редакции «Русского вестника». О том, что она деспотствует, нелепо и говорить. Но, быть может, небезопасно было бы не забывать, что не следует пользоваться переносливостью, составляющею слабость почти каждого, воспитанного

в наших обычаях: во-первых, нехорошо пользоваться слабостями; во-вторых, это, наконец, приводит к ссорам, нимало не нужным ни для кого и очень вредным для тех самих, которые (тоже без всякой нужды) пользуются слабостями до того, что люди теряют охоту иметь с ними дело.

После этого в «Объяснении» прекрасно излагаются понятия редакции «Русского вестника» об обязанностях редакции всякого, а в особенности русского журнала, и о том, какие условия должны соблюдать, какими основаниями руководиться в случаях надобности переделывать статью. Эти понятия вообще справедливы, но, значит, иногда они не соблюдались, если возникали неудовольствия. Кто не делает ошибок, опрометчивостей? Но ведь есть же средство поправлять их; оно очень просто: не должно уходить в нимб непогрешительности и самоуверенности от дружелюбных объяснений с человеком, который думает, что вы сделали ошибку против него.

Затем объясняется очень подробно, что редакция «Русского вестника» имела полное право поступать с статьями гг. Благовещенского и Утина так, как поступала. Имела или не имела формальное право, вовсе не в том дело; оно в том, что гг. Благовещенский и Утин остались недовольны поступками редакции «Русского вестника» относительно их, а редакция остается довольна своими действиями в этих случаях. То и беда, что неумеренность или неосторожность в пользовании правом, которое бесспорно имеете вы, ведет иногда к возбуждению неудовольствия в людях, с которыми вовсе не нужно было бы иметь неприятностей. Этого-то и нужно избегать, а не удовлетворяться повторением гордых слов: «я имел право»; не в том сила, имели ли мы права, — сила в том, благоразумны ли мы были. Вот и теперь, например: бесспорно, редакция «Русского вестника» имела полное право излагать историю того, на каком основании переделывала она статью г. Благовещенского; но благоразумно ли она делает, излагая ее? Ведь она этим наносит новое оскорбление г. Благовещенскому. К чему же? Полезно ли это для нее самой? И чем заслужил г. Благовещенский, чтобы ему наносили неприятности из-за того, что поссорился с каким-то г. Маем, до чего г. Благовещенскому, конечно, не было и нет никакого дела? Если вы хотели ссориться с ним (чего вы совершенно не хотели, это по всему видно; мы верим вам, ваши слова об этом согласны с фактами), то и поссорились бы прямо с ним, прямо по его делу — это не было бы обидно ему; а то, что вы делаете? Ввязываете человека в чужую неприятную историю — это уже очень обидно. Неблагоразумно, неблагоразумно.

Идем далее, — вот добрались и до настоящего предмета «Объяснения», до статьи г. Мая. С таким плохим бойцом сражаться нетрудно: редакция очень ловко и едко ловит его на собственных его словах и доказывает, что напрасно он не хочет

казаться партизаном г-жи Тур, когда сам проговаривается об этом, что непохвальным делом он занимался, собирая слухи и читая чужие письма, что очень смешно рассуждает он о дозволенности примечаний от редакции в начале или середине и недозволенности их в конце статей, что утрировкой выражений примечания, сделанного к статье г-жи Тур, он сам бьет себя, и т. д. и т. д., — все очень хорошо, а все-таки за побиением Мая остается неразбитым основание дела. Редакция очень искусно обходит его, но ведь заметно, что она обходит его, и думается: значит, в деле этом есть что-то неловкое, неудобное, для оправдания, — как будто какие-то пустые мелочи, из-за которых не приходилось бы порядочным людям начинать ссору с сотрудником, приносящим пользу их журналу. Как тут все что-то не клеится с оправданиями, заметим на двух-трех примерах. Май спрашивал, хорошо ли было бы, если бы редакция вводила в печатную полемику некоторые выражения из писем г-жи Тур, не предназначавшихся для печати? Редакция отвечает:

Писала ли нам что-нибудь подобное г-жа Евгения Тур или не писала, какое ему до этого дело и откуда может он знать это, и как может он делать это заключение из наших слов, которыми мы ничего не цитуем, а только передаем наше собственное впечатление?

Так, что за странная придирчивость! Но сама редакция через две страницы впадает в такую же излишнюю привязчивость:

Она (г-жа Тур) говорит, что мы можем с спокойною совестью не защищать памяти Свечиной от заслуженных нареканий. Если бы мы так же были счастливы, как г-жа Евгения Тур, и нашли бы себе такого же защитника, как она, то защитник наш мог бы спросить, откуда она взяла, что мы хотим защищать память Свечиной от нареканий? В краткой заметке редакции, вызвавшей протестацию, ничего не говорится о защите памяти Свечиной от нареканий. Уж нет ли тут чего-нибудь третьего, воскликнул бы, может быть, наш защитник тоном торжественно-мрачным, не отголосок ли это какого-нибудь письма или какой-нибудь частной беседы? А действительно, нечто подобное нам случилось сказать частным образом; но г-жа Евгения Тур, которая не цитовала наших слов, а говорила от себя, имела бы полное право посмеяться над нашим бедным защитником, а за нею и публика.

Надобно даже сказать, что редакция в этом отношении еще страннее самого Мая. Тот привязывался к выражениям довольно многосложным, сходство которых с какими-нибудь выражениями из не предназначенных для печати писем г-жи Тур не могло быть случайно; а редакция обижается употреблением слов «защищать память» — фразы самой простой, обыкновенной, которую каждому часто случается употреблять. Что за мелочное подражание мелочности, которую сами осудили! Но страннее всего то, что предполагаемые непозволительные цитаты не заключают в себе ровно ничего такого, чтобы можно или Маю претендовать на редакцию за одну или редакции на г-жу Тур за другую.

Спешим к концу «Объяснения». Многим показалось, будто редакция «Русского вестника» в ответе своем на письмо г-жи Тур

не остереглась употребить выражения, в которых заключались личности очень дурного тона. Нам самим так показалось. Теперь редакция с негодованием отвергает такое подозрение:

Наконец защитник заносит на нас самый тяжкий удар. По счастью, он не довершает этого удара и сам готов оправдать нас. Он говорит о каком-то месте в нашем ответе, которое будто бы привело в недоумение самых жарких поклонников «Русского вестника». Он говорит о каком-то неосторожном слове, которое могло быть принято за намек, «годный только для составителей грязных памфлетов». Мы благодарим его за то, что он, по крайней мере, в этом случае не приписал нам никакого дурного умысла. Благодарим его также за совет быть осторожными, несмотря на то, что этот совет слишком неопределенен и также не совсем осторожен. Никакая осторожность не поможет, если вы расположены к подозрению и склонны видеть во всем намек. Впечатление, производимое словом, зависит не от одного говорящего, а также и от того, что на уме у слушающего. В объяснениях наших с г-жою Евгениею Тур мы ни о чем не говорили, кроме только того, что заключалось в спорном предмете, и могли иметь в виду лишь возвращение этой писательницы, которые она сама высказывает, которые отчасти проглядывают даже в статьях, напечатанных у нас, и с которыми, однако, мы не можем согласиться. Вот почему мы и поспешили отказаться от солидарности убеждений, на которой настаивала г-жа Евгения Тур. Говорить о мнениях и взглядах писателей, оспаривать или даже осмеивать их можно и даже должно, если мы считаем их ошибочными. Но мы считаем непозволительным и бесчестным всякий намек, годный для грязного пасквиля. Мы еще понимаем возможность полного и точного заявления факта, который может быть опровергаем, но намек в этом случае есть дело недостойное, более позорящее того, кто употребляет его, нежели тех, против кого направлен. Каковы бы ни были наши недостатки и слабости, мы можем, однако, сказать без опасения, чтобы кто-нибудь мог уличить нас в противном, что мы неспособны к чему-нибудь подобному, и об этом свидетельствует все наше прошлое. Мы считали бы такой поступок недозволительным и недостойным даже относительно таких лиц, которые чем-нибудь действительно подавали бы повод к намекам, годным для пасквилей, а тем более в настоящем случае, когда не было и не могло быть никакого повода к чему-либо подобному.

Прекрасно. От души верим. Но зачем же, действительно успокоив нас столь благородным оправданием, редакция тотчас же впадает в самые жалкие личные намеки, — не такого дурного смысла, от каких торжественно отреклась, но все-таки очень, очень дрянные? Посмотрите, какой жалкий конец имеет статья, вообще написанная с талантом:

На этом остановимся. О разных мелких выходках против нас, которыми призобудует статья, напечатанная в «Московских ведомостях», мы распространяться не будем. Говорить о себе очень трудно, даже в интересе гласности. Мы не можем не считать всего этого мелочами, не заслуживающими внимания публики. Но если редактор «Московских ведомостей», движимый столь дорогим для него интересом гласности, захочет ближе ознакомиться с бытом редакции «Русского вестника», то мы покорнейше просим его пожаловать к нам, осмотреть наш кабинет, наши книги, навести справки о наших занятиях, редакционных и частных, исследовать наши познания в науках. Таким образом он удовлетворит своей любознательности гораздо вернее и проще и извлечет для себя, что нужно в интересе гласности, не прибегая к разного рода таинственным сыщикам. Второго тома книги Гнейста он не найдет теперь в нашем кабинете. Кто-то выпросил его у нас... Кстати, о

книгах. Не может ли редакция «Московских ведомостей» через этого господина, любителя осведомлений и розысков, отыскать, где теперь находится кем-то у нас взятая книга венгерца Этвеша, о которой говорили мы выше, в статье об австрийском государственном совете? ¹⁷ Она крайне нужна нам в настоящую минуту для некоторых справок, а другого экземпляра достать в Москве нет возможности.

Что это такое? Помилуйте! Неужели объявление публике, что некто, написавший под именем Мая статью против редакции «Русского вестника», брал прежде на просмотр книги у одного из редакторов «Русского вестника» и двух из этих книг не успел еще возвратить ему? На какой ответ напрашиваются эти слова? Как не вздумалось писавшему эти странные слова, что ведь противники легко могут сочинить из них объявление о подписке для вознаграждения редакции «Русского вестника» за убыток, понесенный ей от неаккуратности неизвестного в возвращении двух из числа книг, которые брал он из редакции? Что за радость напрашиваться на осмеяние?

Странное дело, жалкое дело! И вот такими-то делами занимают литераторы публику, и вот такие ссоры и вот так могут еще вестись между нами! Удивительно.

Ссорятся люди почтенные из-за вздора, разгорячаются до того, что бог знает какими вещами колют глаза — по их предположению, противникам, а по нашему мнению, самим себе, — забывая из-за этого жалкого вздора и свои выгоды, и пользу литературы. Неужели еще кажется не пора редакции «Русского вестника» прекратить эту странную историю? Неужели ей уже невозможно примириться с сотрудниками, содействие которых было полезно для ее журнала? Кажется, еще можно заглазить все эти дразги благородным сознанием своей опрометчивости. А если уже нет, то убеждаем редакцию «Русского вестника» хотя вперед быть осторожнее. Ведь если она будет продолжать так, то будет иметь сотрудником одного г. Ржевского ¹⁸.

Но публика и литераторы по прежней привычке еще сохраняют столько уважения к редакции «Русского вестника», и в столь многих еще так сильна прежняя горячая привязанность к этому журналу, что для редакции «Русского вестника» еще очень нетрудно сохранить своему журналу средства быть одним из лучших у нас: ей стоит лишь несколько повнимательнее нынешнего остерегаться той единственной слабости, на которую мы обратили ее внимание и которая, во всяком случае, нимало не мешает нам ценить ее достоинства.